

Если бы к носу и общественному положению Марка Захарова — да рост и стать Андрея Гончарова, родословную Валентина Плучека, молодость Сергея Женовача, эксцентричность Клима... Пустые мечтания. Нет критике в театральной жизни театрального счастья.

Но, как на грех, октябрь накатил на общественность мощным шквалом премьер. Хочешь, не хочешь — смотри.

Любишь, не любишь, а если к сердцу не прижмешь, то и к черту не пошлешь.

Наша критика по-прежнему не решает «обручиться» с предметом собственной профессии, то есть с театром. Несовпадение грозит стать тотально обоюдным. Именитые режиссеры, вставая перед необходимостью пригласить на спектакль критиков, норовят, подобно Подколесину, выпрыгнуть в окно. «Зачем вы пришли! — нервно вопрошает знакомый режиссер, углядев критическое (по роду службы) лицо в зрительном зале. — Рано еще смотреть».

Что это? Повальный выпуск сырой продукции? Или просто боязнь увидеть назавтра хлесткое печатное слово, где есть все что угодно: талантливое самовыражение, вариации на тему, собственная концепция пьесы (и как следствие — отсутствие в рецензии фамилий исполнителей). Словом — все что угодно. Кроме оценки, разбора, впечатления, наконец. Впрочем, впечатления есть. И чаще всего о-о-о-трицательные. «В «Смертельном номере» (Театр под руководством О. Табакова. — Н. К.) приказывают: «Ешьте!» с хищным оскалом и два с половиной часа долдонят, что отказываться от кушанья никак невозможно, потому что оно общечеловеческое и гуманное». (Газета «Сегодня»).

...Пульс и давление режиссеров, скакавшие только что от предпремьерной лихорадки, те-

перь скачут от прочитанного. Или не скачут? Мы их не любим, они нас не любят. И вместе не делаем одно большое общее дело, которое «театральный процесс» называется.

Правда, есть еще читатель, он же — публика. Раньше ругань в печати обеспечивала аншлаг в зале. Ныне ругань сама себе обеспечивает аншлаг в печати.

Неудовлетворенность, однако, ведет к порче характера. Так, может, в медико-психиатрических целях критикам стоит вообще перестать посещать премьеры? Пусть в зале останется одна публика, не отягощенная специфическими, профессиональными обязанностями. Может быть, тогда все и встанет на свои места? Театр поигрывает, а зритель посматривает. Критик же пусть не пописывает. Однако нельзя. Непорядок получается.

Последнее время беру с собой на премьеры коллегу, которая театром не занимается, но охотно туда ходит, хорошо его знает. И слышу недавно из ее уст откровение, сопровождаемое легкой краской на щеках: «Наверное, я ничего не понимаю, но мне так нравятся все эти спектакли». Поразило не то, что ей все нравится. А то чувство неловкости, которое она при этом испытывает. Журналист ведь тоже рецензии читает. Как говорится, «членам правительства неприлично целоваться».

Разговариваем дальше. «На бойком месте» — мюзикл, это так непривычно для Хейфеца.

Массовка порой раздражает, у главной героини слишком «оперный» голос. Но ведь как поет, какая искренняя и какая молодая! И вообще спектакль живой, яркий, сыгран на одном дыхании.

В «Чайке» М. Захарова буд-то бы все персонажи меня не устраивают. И Тригорин в моем представлении совсем другой. И Треплев. И Нина. И Дорн. Но прошла неделя, а

принадлежу) по поводу наших критических мэтров, которые так пристрастны к своим любимцам — мэтрам режиссуры, однако ими движет одно, явно нематериальное обстоятельство. Имя ему — любовь. Каждый из них вырос со своим любимым театром и (возможно, возможно!) ныне уже не очень объективен. Однако при наличии характера, конечно, и умения видеть спектакль кто, ска-

Но Андрей Гончаров-то здесь, в дождливой Москве, репетирует и репетирует со своими любимыми выпускниками то же самое. Озабочен ли он всерьез риторическим шекспировским вопросом? Или ему так нравятся его ученики, Арденский лес, все эти лорды и вся эта музыка? А критик тем временем близится к окну.

Валентин Плучек опять же по Шекспиру «укрошает строптивую» молодежь, а критик потихоньку взбирается на подоконник.

Сергей Женовач и актеры Театра на Малой Бронной ходят с томиками «Идиота», а критик примеривается к прыжку. Если этаж, конечно, не очень высокий.

Роман Виктюк не мелькает больше в репетиционных залах Вахтанговского театра своими «плодово-ягодными» пиджаками. Говорят еще — что-то не так у него, а его собственном театре с авторскими правами на пьесы. Все может быть. Но право Виктюка на собственный театральный мир есть реальность, данная нам в ощущениях. Пусть и не всегда, и не всем приятных.

Количество ощущений, которое преподнес нам нынешний театральный октябрь, зашкаливает не то что за диетическую, а даже за ресторанный норму. Между прочим бывают и ресторанные критики. Нам это пока не привычно. Нам пока еще кажется, что бифштекс — все же не «Дядя Ваня», а повар — не режиссер (хотя, возможно, и маэстро в своем деле).

Шквал премьер обещает не стихнуть до Нового года. Встречаясь с коллегами в театре, хватаемся за головы, перечисляя, что еще предстоит смотреть. А надо бы хвататься за сердце, если в нем, конечно, осталось место для эмоций.

Наталия КАМИНСКАЯ.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА В ПАРТЕРЕ

спектакль «не отпускает». Пытаюсь освободиться от этой силы театральной. Воздействую, моллю, подобно Тригोरину: «Отпусти меня!». Но не тут-то было.

Никак не могу собрать воедино мхатовского «Бориса Годунова». Еще не понимаю, что там всерьез, а что — шутство, балаган, издевка. Но Олег Ефремов в роли Бориса говорит пушкинским слогом что-то такое свое, сокровенное, страданное. Нечего делать. Пойду еще раз.

У Левинского в Центре Ермоловой — «Юбилей», там такой чеховский юмор и такая гоголевская чертовщина!

В Театре сатиры Нина Архипова очеловечивает загадочно и абсурдно Пиранделло.

В «Балаганчике» у «фоменков» режиссер И. Поповски, выливает на зрителя, кажется, все, что умеет придумывать. Но как ярко и изобретательно это придумано!..

А вдруг без «пяти пудов любви» нельзя не только ставить Чехова, но и садиться в партер? Как бы ни иронизировало лихущее о театре новое поколение (к коему и сама

жизнь, лучше всех сообщит «любящему» Ефремову или Захарову, Табакову или Юрскому, что у них хорошо, а что плохо. Тот, кто любит. Сказанное «от чувств-с», может быть, и ранит сильнее. Но точнее попадает в цель. Все остальное — мимо. Они от нас — в окно. А мы — от них.

«Как вам это понравится» — зачем-то приделал Шекспир к своей пьесе не отражающее ее содержания название. Может, затем, что ему самому, загадочному Вильяму нашему Шекспиру, очень нравилось писать пьесы, ставить спектакли и играть в них роли? Блестнувшая в Москве в шлейфе ее величества королевы Великобритании труппа «Чик бай джоул» играла эту пьесу в восхитительном отсутствии декорации и костюмов примет эпохи. Не спрашивала, как и кому это понравится, а с дерзостью и самозабвением ребенка купалась в игре. В полном ощущении, что эти артисты могут талантливо разыгрывать даже телефонную книгу, хочется воскликнуть: нам понравилось! Тем более что они уже давно в туманном Альбионе.